

В.А. Саидов

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ С ТЕРРИТОРИИ
ДАГЕСТАНА (III В. ДО Н.Э. – IV В. Н.Э.)**

Изучение предметов вооружения древних эпох имеет несколько аспектов. Прежде всего, на их основе возможна реконструкция развития военного дела различных сообществ. Постоянное усовершенствование предметов вооружения, ведущее к изменениям их форм и технических характеристик, позволяет использовать этот вид предметов материальной культуры и в качестве хронологических индикаторов при определении временных рамок археологических комплексов и культурных слоев поселений. Предметы вооружения несут в себе также информацию об уровне развития различных производств (цветная металлургия, железообработка, косторезное дело и др.). Они являются к тому же в какой-то степени этнокультурным показателем, несмотря на приобретение в короткий срок интернациональных качеств в силу быстрой распространенности технических новшеств. Предметы вооружения служат источником для определения экономических и культурных связей между народами и выявления социальной дифференциации, т.е. классового расслоения сообщества, проявляющегося, в частности, в особенностях защитного доспеха, декора оружия и конского снаряжения.

Предметы вооружения с территории Дагестана исследуемого времени представлены наступательным оружием ближнего боя – мечами, кинжалами (в основном обоюдоострыми), наконечниками копий и боевым топором, а также оружием дистанционного боя – луками со стрелами, наконечники которых сделаны из металла (железо, бронза) и кости. Наконечники стрел имеют как местные формы, но встречаются также и образцы, воспринятые у сармато-аланских кочевников. Помимо наступательного вооружения важную роль в военном деле исследуемого региона играли и защитные средства, прежде всего, доспехи (панцири, кольчуги), шлемы и щиты. Защитную функцию у местных племен несла и войлочная бурка (Давудов О.М., 1996. С. 132).

Боевой арсенал населения Дагестана в сарматское время существенно отличался от предшествующей эпохи качественными показателями, он также значительно увеличился в объеме. Основные инновации в вооружении этого периода проявлялись в увеличении размеров мечей (появление длинных всаднических мечей), изменении формы наконечников стрел и копий (использование массивных железных черешковых стрел и наконечников копий), усовершенствовании металлических доспехов (панцири и кольчуги). Эти технические новшества были обусловлены существенными изменениями в вооружении и тактике сражений степных кочевников (I в. до н.э. – I в. н.э.), увеличением удельного веса в оседлых культурах тяжеловооруженной конницы. В целом средства вооружения населения Дагестана в исследуемое время были ориентированы на применение их как конными, так и пешими воинами.

В данной статье затронут один из аспектов изучения вооружения - история выявления предметов вооружения III в. до н.э. – IV в. н.э. на территории Дагестана, и их изучения.

Первые упоминания о находках предметов вооружения с территории Дагестана относятся ко 2-й пол. XIX в. По данным А.В. Комарова, какие-то предметы вооружения были обнаружены в старых могилах у с. Чиркей (Буйнакский р-он РД) (Комаров А.В., 1872. С. 127). Исследователь также указывал что, в окрестностях с. Бетли (Унцукульский р-он РД) местными жителями были обнаружены при обработке полей бронзовые наконечники копий и железные наконечники стрел (Комаров А.В., 1872. С. 128). Обломки железных кинжалов, меча, железные и костяные наконечники стрел были выявлены А.А. Русовым и И.О. Цилюсани во время раскопок курганов в районе Дербента в 1865 г. (Русов А.А., 1882, С.503–562; Цилюсани Н.О., 1882. С. 468–473). Эти материалы не получили научной атрибуции, т.к. в работах исследователей не даны описания предметов вооружения, не приведены их параметры и рисунки.

Основа коллекции вооружения исследуемого времени была заложена раскопками Большого Буйнакского кургана (курган-кладбище), исследованного на рубеже XIX–XX вв. работниками Дагестанского статистического комитета Е.И. Козубским (1897 г.) и Ф.А. Афанасьевым (1899 г.). Поступившие в Государственный Исторический музей их отчеты и материалы раскопок впоследствии надолго выпали из поля зрения археологов, и только в 1930 г. они были изданы А.А. Захаровым (Zakharov A.A., 1930; Zakharov A.A., Sergejev V.V., 1930), а в последствии переизданы М.П. Абрамовой (Абрамова М.П., 1977; 1980). Погребальные сооружения на могильнике были представлены каменными ящиками, гробницами и ямами. Предметы вооружения (15 единиц) в основном находились в гробницах. Это – мечи, кинжалы, наконечники копий, а также железные (трехлопастные) черешковые наконечники стрел (Абрамова М.П., 1980. С. 127–129). Материалы могильника датируется II – нач. VI в. (Абрамова М.П., 1980. С.115).

В небольшом комплексе предметов, происходящих из катакомбного подкурганного захоронения у с. Аджи-Мажагатюрт (вблизи г. Хасавюрта), раскопанного местными жителями в 1929 г., находился и длинный железный меч. Этот археологический объект был обследован чл.-корр. АН СССР И.А. Орбели и доц. К.В. Тревер, изучавших по заданию Государственного комитета материальной культуры памятники Северного Кавказа. Материалы погребения (железный меч, конская сбруя и стеклянный канфар) были переданы в Дагмузей (газета Красный Дагестан, 1929). Необходимо отметить, что на юго-восточной окраине г. Хасавюрта в 1973 г. М.Г. Гаджиевым был обследован курган, поврежденный при строительных работах. Погребальное сооружение также представляло собой катакомбу, инвентарь состоял из предметов вооружения, керамики, украшений, предметов одежды и др. Оружие включало железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел и фрагмент втулки наконечника копья. Судя по некоторым предметам (краснолаковый канфар, бронзовая фибула и железные наконечники стрел), данный памятник относится к рубежу эр (Гмыря Л.Б., 1993. С.14; Гаджиев М.С., 1997. С.29).

Небольшая коллекция оружия была собрана Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК под руководством М.И. Артамонова, проводившей в 1936–1938 гг. обследование археологических памятников предгорного и горного Дагестана. М.И. Артамонов упоминает металлические (трехгранные) наконечники стрел, найденные у с. Гагатль (Ботлихский р-он РД), костяной наконечник стрелы, обнаруженный вблизи с. Хаджалмахи (Левашинский р-он РД) (Артамонов М.И., 1938. С.8), фрагмент железного наконечника копья, выявленный в одном из погребений могильника у с. Харахи (Хунзахский р-он РД) (Артамонов М.И., 1938. С.47). М.И.

Артамонов пишет также о двух железных черешковых наконечниках стрел, найденных местными жителями в разрушенном при дорожных работах могильнике у с. Накитль (Хунзахский р-он РД) (*Артамонов М.И.*, 1938. С.8). Некоторые из этих предметов вооружения относятся к исследуемому нами времени.

Значительная коллекция оружия была получена при раскопках Таркинского могильника (с. Тарки, вблизи г. Махачкалы), исследованного в 1947–1949 гг. Е.И. Крупновым и К.Ф. Смирновым (Крупное Е.И., 1951; Смирнов К.Ф., 1951). В ходе раскопок было выявлено 55 могил, из которых 39 относятся к I–III вв. (*Крупнов Е.И.*, 1951. С.209–225; *Смирнов К.Ф.*, 1951. С. 257–272). В 11 из них в имелись предметы вооружения (35 единиц) – обломки массивного клинка меча, наконечники копий, железные черешковые трехлопастные и костяные втульчатые трехгранные и четырехгранные наконечники стрел и железный нож с горбатой спинкой с кольцевым навершием (*Исаков М.И.*, 1947. С.279; *Смирнов К.Ф.*, 1951. С.259–260).

В 1950–1951 гг. экспедицией ИИМК под руководством К.Ф. Смирнова был исследован Карабудахкентский 1-й могильник II в. до н.э. – III в. н.э. (*Смирнов К.Ф.*, 1961, С.167–210), расположенный на окраине с. Карабудахкент (Карабудахкентский р-он РД). В течение двух полевых сезонов 1950–1951 гг. было вскрыто 83 захоронения, из них информативными по своей сохранности являются 64 погребения. Оружие (14 единиц) было представлено костяными втульчатыми трехгранными и четырехгранными наконечниками стрел (коллективная могила №38) и обломком кинжала (погр.63) (*Смирнов К.Ф.*, 1961. С. 180–182,188).

Также представительная коллекция предметов вооружения (22 единицы) была выявлена и при раскопках Карабудахкентского III-го могильника, исследовавшегося К.Ф. Смирновым в 1951 г. (*Смирнов К.Ф.*, 1961. С.210–219). В ходе раскопок на этом могильнике было вскрыто 13 могил (9 грунтовых и 4 каменных гробниц). Предметы вооружения – обломок железного кинжала или меча (?), костяные втульчатые трехгранные и четырехгранные наконечники стрел и железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, обрывок железной кольчуги и обломок кольцевого навершия меча (?) – находились как в грунтовых погребениях, так и в каменных гробницах (*Смирнов К.Ф.*, 1961. С.212–218). К.Ф. Смирнов хронологически определил место этого могильника между Карабудахкентским I и Большим Буйнакским курганом. Он указал на его связь с культурой местных племен албано-сарматского и раннесредневекового времени (*Смирнов К.Ф.*, 1961. С. 210–219).

В одном из погребений Ленинкентского грунтового могильника (с. Ленинкент, Сергокалинский р-он РД), исследованного в 1953 г. М.И. Пикуль (*Пикуль М.И.*, 1953), было выявлено 3 экз. костяных втульчатых четырехгранных наконечников стрел (*Пикуль М.И.*, 1953. С.128). Погребальные сооружения, погребальный обряд и инвентарь Ленинкентского могильника свидетельствуют о его принадлежности этого памятника к местной культуре. Погребальный инвентарь этого памятника во многом идентичен материалам Карабудахкентского 1-го могильника и датируется исследователем I–II вв. н.э. (*Пикуль М.И.*, 1953. С.130).

Очень представительный (20 единиц) и разнообразный комплекс предметов вооружения был получен при раскопках Хабадинского могильника (хутор Хабада у с. Ругуджа Гунибского р-на РД), проводившихся в 1956 г. (*Котович В.Г.*, 1956), 1957 г. (*Пикуль М.И.*, 1961) и 1966 г. (*Котович В.Г.*, *Давудов О.М.*, 1966). На этом могильнике было исследовано 29 захоронений, 15 из которых были отнесены к

албано-сарматскому времени. Предметы вооружения находились почти в каждом втором (8) погребении – железные наконечники копий (4 экз.), железные втульчатые двух и трехлопастные наконечники стрел (4 экз.), железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (4 экз.), костяной втульчатый трехгранный наконечник стрелы, железные мечи (3 экз.), на одном из них сохранились остатки деревянных ножен и бронзовая пластина от них, обломок клинка меча с бронзовой обоймой от ножен, остатки деревянного налучья и деревянного щита (*Котович В.Г.*, 1956. С.59; *Пикуль М.И.*, 1961. С.153–156; *Котович В.Г.*, *Давудов О.М.*, 1966. С.60–70).

Интересные находки оружия были сделаны на Шаракунском могильнике (местность Шаракун вблизи населенного пункта Герейхановское, Сулейман-Стальский р-он РД), представлявшего собой 5 курганообразных возвышенностей (*Пикуль М.И.*, 1959. С.50–65), одна из которых (к. №2) являлась поселением эпохи ранней бронзы (*Гаджиев М.Г.*, 1991. С.120,140). Раскопки на этом участке в 1961–1962 гг. выявили 83 погребения, подавляющее большинство которых датируется албано-сарматским временем (*Пикуль М.И.*, 1961а; 1962). Оружие в инвентаре этих погребений представлено железными наконечниками копий с укороченным пером (6 экз.). Примечательно, что эти наконечники имели следы преднамеренной порчи, они были сломаны пополам. Еще один костяной втульчатый трехгранный наконечник стрелы был обнаружен в верхнем слое другой кургановидной насыпи (№1), он датируется II–IV вв. н.э. (*Пикуль М.И.*, 1961а. С.8–102; 1962. С.34, 81).

Одним из чрезвычайно интересных памятников древности, является Урцекское городище, расположенное в предгорной части Дагестана (северо-западнее г. Избербаш), исследование которого проводилось Приморской экспедицией в 1960–1964 гг. (*Котович В.Г. и др.*, 1961; 1962; 1963; 1965). В периодизации памятника В.Г. Котович выделил три этапа: I (VI–IV вв. до н.э.), II (III–II вв. до н.э. – III в. н.э.), III (V – первая половина VIII вв. н.э.) (*Котович В.Г.*, 1965. С.155). Верхний культурный слой Урцекского городища М.С. Гаджиев несколько удревнил, относя его к III–VI вв. н.э. (*Гаджиев М.С.*, 2002. С. 106).

На городской цитадели Урцекского городища, в его центральной части (раскоп 4) верхнем культурном слое, было выявлено несколько хозяйственно-бытовых помещений предположительно дворцового сооружения. В их заполнении были обнаружены некоторые предметы вооружения – железный боевой топор, железный вток от наконечника копья (пом. 2), обрывок железной кольчуги (пом. 3), а также несколько втульчатых и черешковых (?) костяных наконечников стрел (*Котович В.Г. и др.*, 1961. С.33–40). Из зольника этого же раскопа происходит костяной пулевидный втульчатый наконечник (*Котович В.Г. и др.*, 1961. Рис.126). На другом участке (раскоп 2) был обнаружен костяной четырехгранный втульчатый наконечник стрелы (*Котович В.Г. и др.*, 1961. Рис.14, 12).

Серия предметов вооружения албано-сарматского и раннесредневекового времени происходит из погребений некрополей городища (Урцекский I–II могильники). Полная сводка погребальных конструкций и погребального обряда Урцекских I и II могильников дана в монографии Л.Б. Гмыри (*Гмыря Л.Б.*, 1993. С.318–330).

Коллекция предметов вооружения Урцекского I могильника (12 единиц), расположенного в 3 км от одноименного городища, на берегу небольшой речки Мискин-чига-дух (12 погребений в ямах, гробницах и склепах), состояла из костяного втульчатого четырехгранного наконечника стрелы, также костяных че-

решковых четырехгранных (2 экз.) и трехгранных (2 экз.) наконечников стрел, железного втульчатого наконечника копья, обломка железного кинжала (?), трех фрагментов накладок от луков (3 экз.) (*Котович В.Г. и др.*, 1961. С. 51, 60; 1962. С.83–88). Вне могил были обнаружены еще 2 экз. железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (*Котович В.Г. и др.*, 1962. С.92).

Коллекция вооружения Урцекского II могильника (63 единицы), расположенного в 300 м к Ю от одноименного городища (20 погребений в каменных ящиках, склепах, ямах и гробнице), состояла из кинжала с брусковидным навершием, ножей с горбатой спинкой (2 экз.), обломка клинка меча, костяных втульчатых трех и четырехгранных наконечников стрел (41 экз.), железного черешкового двухперого наконечника стрелы, также железных черешковых трехперых наконечников (3 экз.) и втульчатых трехперых (2 экз.) и фрагмента кольчуги (*Котович В.Г. и др.*, 1963. С.78–86; 1963. С.31–61; 1965. С.14–15). Вне могильных комплексов были выявлены костяные втульчатые трех и четырехгранные наконечники стрел (8 экз.), железный черешковый трехперый наконечник, также железные черешковые двухперые (2 экз.) и втульчатый трехперый наконечники стрел (*Котович В.Г. и др.*, 1963. С.86–88; 1963. С.38–61).

Относительно датировок Урцекских могильников существуют различные мнения. Так, по предложенной М.М. Маммаевым хронологии, вышеназванные могильники – грунтовые погребения и ямы относятся к VI–V вв. до н.э., склепы и гробницы – к албано-сарматскому периоду и раннему средневековью, а каменные ящики, находившиеся в верхнем горизонте, к VII – начало VIII в. н.э. (*Маммаев М.М.*, 1998. С. 90–92). Д.М. Атаев выделил три периода функционирования Урцекского некрополя – албано-сарматский (I–III вв. н.э.), характеризующийся погребениями в больших грунтовых ямах, раннесредневековый (IV–VII вв.), представленный каменными ящиками, и промежуточный с захоронениями в склепах (*Атаев Д.М.*, 1968. С. 27–31). М.С. Гаджиев на основе некоторых предметов из погребений Урцекских некрополей отнес грунтовые могилы к III–I вв. до н.э., а склепы – к III–V вв. н.э. Им также предложена и новая хронология Урцекского городища в рамках III в. до н.э. – VI в. н.э. (*Гаджиев М.С.*, 2002. С.101–102, 105–106).

Весьма интересные и разнообразные предметы вооружения представлены в инвентаре каменной гробницы, выявленной у с. Тидиб в урочище Цархи-гоцо, на правом берегу р. Гидатль (Шамильский р-он РД) – крупные массивные пластины подквадратной формы, возможно, от панциря (?), часть железной втулки наконечника копья, а также фрагмент железного клинка. В.Г. Котович датировал это погребение позднеантичным временем, т.е. I–III вв. н.э. (*Котович В.Г.*, 1968. С.55–58).

Большая коллекция предметов вооружения (34 единицы) представлена в материалах Цыйшинского могильника, расположенного вблизи с. Цыйша (Кулинский р-он РД) (*Котович В.Г.*, 1968. С.22–30; *Котович В.Г., Маммаев М.М.*, 1971. С.24–41). В ходе раскопок на могильнике было исследовано 21 грунтовое погребение и одно погребение в каменной гробнице. В шести могилах из предметов вооружения были выявлены обломки железных широколезвийных как длинных, так и коротких мечей и кинжалов (13 экз.), костяные втульчатые наконечники стрел разных форм (12 экз.), костяная обкладка лука и спекшиеся обрывки кольчуг (3 экз.). Вне могильного комплекса находились кольцевое навершие меча (?), железный втульчатый двухлопастной наконечник стрелы, железный наконечник копья, костяная обкладка лука и панцирная пластинка. Памятник датирован I – нач.V вв. н.э. (*Котович В.Г., Маммаев М.М.*, 1971. С.41).

Весьма представительная коллекция предметов вооружения (29 единицы) была получена при раскопках в 1969–1970 гг. Сумбатлинского могильника, расположенного вблизи одноименного села, на правом берегу р. Кулинки (Кулинский р-он РД). На могильнике было исследовано 14 гробниц и 1 склеп (*Давудов О.М.*, 1970. С.28–45; 1971. С.2–40). Предметы вооружения находились в восьми могилах: железные обломки мечей и кинжалов (13 экз.), наконечников копий (2 экз.) и железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы. Вне могильного комплекса были выявлены обломки железных ножей и кинжалов (?), наконечников копий (3 экз.), железные черешковые двух (4 экз.) и трехлопастные (5 экз.) наконечники стрел (*Давудов О.М.*, 1977. С.125–129). На могильнике выделены ранняя (II–III вв. н.э.) и поздняя (IV–VIII вв. н.э.) группы погребений (*Давудов О.М.*, 1977. С.124).

Некоторые предметы вооружения находились в одном из погребений (№5) Анрейяульского грунтового могильника II–III вв. н.э. (*Абрамова М.П., Магомедов М.Г.*, 1980. С. 129), расположенного к западу от одноименного городища (с. Эндирей, Хасавюртовский р-он РД). В раскопанных погребениях захоронения были совершены в узких ямах (№1,2,4), срубе (№3) и гробовище (№5). Среди инвентаря разграбленного погребения №5 находились 4 экз. железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (*Абрамова М.П., Магомедов М.Г.*, 1980. С.129). На территории одноименного курганного могильника, примыкавшего с запада к грунтовому (См.: *Гмыря Л.Б.*, 1993. С.18–19), в кургане 3, в погребении II–III вв. н.э., представлявшем собой большую могильную яму с деревянными перекрытиями, покоящимися на столбах, среди разграбленного инвентаря находились и фрагменты кольчуги (*Абрамова М.П., Магомедов М.Г.*, 1980. С. 134). В кургане 2 (См.: *Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 18) в захоронении, совершенном в большой яме с заплечиками, среди также разграбленного инвентаря был обнаружен обломок железного меча (*Атаев Д.М. и др.*, 1968). Из погребений Анрейяульского грунтового могильника, разрушенных во время прокладки траншеи для ограждения виноградника, происходит большая серия разнообразного инвентаря (*Абрамова М.П., Магомедов М.Г.*, 1980. С.125–126. Рис.1–2), среди которого находились и обломки железного наконечника копья.

Внушительная коллекция предметов вооружения (37 единиц) происходит из каменных гробниц Калкнинского могильника III–V вв. н.э., потревоженного при строительных работах в 1977 г. (с. Калкни, Дахадаевский р-он РД). В собранных материалах могильника находились железные обломки (33 фрагмента) мечей и кинжалов (на одном из них сохранились бронзовые обкладки от деревянных ножен), фрагменты железных и бронзовых деталей от шлема (2 экз.), остатки кольчуг и костяной черешковый наконечник стрелы (*Давудов О.М., Котович В.Г.*, 1979. С.36; *Салихов Б.М.*, 1985. С.168–169). Б.М. Салихов отнес Калкнинский могильник к числу памятников неизвестного раннее варианта местной культуры Среднего Дагестана (*Салихов Б.М.*, 1985. С.177).

Из верхнего культурного слоя (III–V вв. н.э.) Охлинского городища, расположенного к западу от с. Охли (Левашинский р-он РД), происходят 4 экз. костяных черешковых трехгранных наконечников стрел (*Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.*, 1983. С.117).

В одном из погребений (№9) албано-сарматского периода Дербентского I могильника, функционировавшего длительное время, от X–VIII вв. до н.э. до VII–VIII вв. н.э., выявлено 2 экз. железных черешковых трехлопастных наконечников

стрел (Кудрявцев А.А., 1985. С. 133). Первоначальная датировка этого погребения была установлена в пределах I в. до н.э. – I в. н.э. (Кудрявцев А.А., 1985. С. 134), позднее комплекс погребения №9 был отнесен к I–II вв. н.э. (Гаджиев М.С., 2002. С. 137). Погребение №9 и одновременные ему №10, 11 и 24 определены А.А. Кудрявцевым как относящиеся к культуре местного населения (Кудрявцев А.А., 1985. С.138).

В погребении №4 Дербентского II-го могильника, включавшего шесть могил позднего этапа албано-сарматского периода, впущенных в культурный слой I в. н.э. цитадели Нарын-кала (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1991. С.87–115), среди разнообразного и многочисленного инвентаря имелись и предметы вооружения – длинный железный меч с рукоятью-штырем и два массивных железных кинжала (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1991. С.97–101). Халцедоновое навершие диско-видной формы от рукояти меча лежало у основания его клинка. По определению исследователей, «в погребениях Дербентского могильника проявляются обрядовые черты, которые возникли под влиянием погребального культа сарматских племен, оседавших на территории Дагестана и вступивших в тесные... контакты с местным населением» (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1991. С. 100–112). Из нижележащего культурного слоя строительного комплекса цитадели происходит железный втульчатый наконечник копья (хоз. яма № 6) и 2 экз. косяных втульчатых наконечников стрел (хоз. яма № 10) (Кудрявцев А.А., 1987. С.23,25).

Небольшая коллекция оружия была получена на Ганзирском археологическом комплексе албано-сарматского времени. В культурном слое Ганзирского поселения (III в. до н.э. – III в. н.э.), расположенного у заброшенного с. Ганзир (Табасаранский р-он РД), в хозяйственном помещении был найден обломок железного втульчатого копья (Давудов О.М., 1989. С.58). В каменном склепе, выявленном в восточной части этого поселения (погребение было впущено в культурный слой), среди богатого и разнообразного инвентаря находились и предметы вооружения – длинный железный меч с прямым перекрестием и два железных втульчатых наконечника копья. Погребение датируется позднесарматским временем, т.е. II–III вв. н.э. (Гаджиев М.С., 1991. С.123, 125).

Ряд предметов вооружения происходит с Хивского могильника, расположенного у с. Хив (Хивский р-он РД). В четырех разрушенных во время строительных работ склепах с коллективными захоронениями, содержащими разнообразный и чрезвычайно интересный материал (Салихов Б.М., 1988. С.47–63), находились и предметы вооружения: фрагменты железных мечей и кинжалов, железный втульчатый наконечник копья и обрывки кольчуг (Салихов Б.М., 1988. С.52–54). Б.М. Салихов, обследовавший разрушенные погребения этого могильника, датировал их концом IV – началом V в. н.э. (Салихов Б.М., 1988. С.54, 60), но М.С. Гаджиев ограничивал время функционирования памятника V в. н.э. (Гаджиев М.С., 1986. С.79).

Представительная серия железных наконечников стрел была выявлена в 2-х впускных погребениях албано-сарматского времени Манаскентского 1-го курганного могильника (пос. Манаскент, Карабудахкентский р-он РД), содержавших основные захоронения эпохи средней бронзы. В одном из погребений (к.2, п.4) находились 10 экз. железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел, в другом (к.2, п.7) – 6 экз. таких же наконечников стрел (Пятых Г.Г., Салихов Б.М., Шишлина Н.И., 1986. С.3–33). Выявленные наконечники стрел являются одним из отличительных признаков сарматского влияния на культуру населения Приморского Дагестана в I в. до н.э. – I в. н.э. (Салихов Б.М., 1988а. С.5–6).

Очень большая коллекция предметов вооружения происходит из погребений Зеленоморского кургана-кладбища, находившегося у с. Зеленоморск (Карабудахкентский р-он РД). В разрушенных при строительных работах погребениях были найдены обломки рукояти меча или кинжала, железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел (5 экз.), железные колчаные крюки (4 экз.), а также железные и бронзовые панцирные пластины (около 250 экз.) и обрывки кольчуг (Пятых Г.Г., Салихов Б.М., Шишлина Н.И., 1986. С.39). Часть коллекции оружия (82 единицы) происходит из 17 исследованных погребений этого могильника (54 погребения) (Пятых Г.Г., Салихов Б.М., Шишлина Н.И., 1986. С.34–39; Салихов Б.М., 1986. С.2–54; 19886. С.1–14): железный меч с остатками деревянных ножен с фигурным вырезом у перекрестия, железные наконечники копий (2 экз.), железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел (69 экз.), железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (2 экз.), железный черешковый четырехгранный наконечник стрелы, бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы, костяные втульчатые четырехгранные наконечники стрел (2 экз.), железный боевой топор и железные колчаные крюки (3 экз.) (Салихов Б.М., 1991. С.130–144).

Очень большая коллекция (144 единицы) предметов вооружения происходит из курганных могильников позднесарматского времени (III–IV вв. н.э.), расположенных в низовьях р. Сулак – Львовский Первый-2 (Разрушаемый I), Львовский Первый-4 (Разрушаемый II) и Львовский Шестой (Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2000; 2001; 2004). В 14 погребениях могильника Львовский Первый-2 выявлены: железные длинные мечи (6 экз.), железные кинжалы (5 экз.) и железный черешковый двухлопастной наконечник стрелы (Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2000. С.63). В 13 погребениях могильника Львовский Первый-4 выявлены: железные длинные мечи (10 экз.), железные кинжалы (3 экз.), детали металлических обкладок ножен меча, железный черешковый двухперый наконечник стрелы и железные пластины панциря (Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2001. С.50–51). В 15 погребениях могильника Львовский Шестой выявлены: железные мечи (7 экз.), железные кинжалы (3 экз.), железные втульчатые наконечники копий (4 экз.), железный втульчатый двухлопастной наконечник стрелы, железные трехгранные и трехлопастные наконечники стрел (16 экз.), бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел (63 экз.), костяные втульчатые трехгранные и четырехгранные наконечники стрел (11 экз.), а также железные и бронзовые пластины панцирей (Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г., 2004. С. 51–52).

В одном из трех впускных захоронений албано-сарматского времени крупного кургана Хунтуп 1 (Кумторкалинский р-он РД), совершенных в грунтовых ямах, одно из которых находилось в деревянной колоде, было выявлено более 20 экземпляров железных втульчатых трехлопастных и костяных втульчатых трехгранных и четырехгранных наконечников стрел (Илюков Л. С., Магомедов Р.Г. и др., 2005. С.294–296).

На Избербашском VI-м грунтовом могильнике, расположенном вблизи г. Избербаш, из двух разрушенных при строительных работах погребений происходят различные предметы вооружения: фрагменты железного меча с кольцевым навершием, обломки железного кинжала с остатками деревянных ножен, обломки железного наконечника копья, железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (10 экз.) и железный колчаный крюк. Большинство находок из этого мо-

гильника, датируется первыми веками н.э. (*Магомедов Р.Г., Гаджиев М.С. и др., 2006. С.133–136*).

Отметим и единичные находки предметов вооружения на памятниках албано-сарматского времени Дагестана. Из разрушенных погребений у с. Уриб (Шамилевский р-он РД), происходит обломок железного меча (*Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. С.192, №946*). Из погребения, впущенного в культурный слой Мекегинской позднепалеолитической стоянки (с. Мекеги, Левашинский р-он РД) происходят обломки сильно окислившегося прямолезвийного меча. Подобные мечи датируются, позднесарматским временем, т.е. III – нач. IV вв. н.э. (*Котович В.Г., 1960. С.8–9*). В полуразрушенном погребении Джанабинского грунтового могильника I–II вв. н.э. (с. Джинаби, Кайтагский р-он РД) был найден небольшой наконечник копья (*Салихов Б.М., 1992. С.7*). Еще по одному экземпляру наконечников копий представлены в погребениях Генеколобского (с. Генеколоб, Тляратинский р-он РД) и Ленинаульского (с. Ленинаул, Казбековский р-он) могильников албано-сарматского времени (*Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. С.209, №1156; Давудов О.М., 1996. С.367. Рис.16, 5*). Костяной втульчатый четырехгранный наконечник стрелы был найден в детском грунтовом погребении вблизи с. Бавтугай (Кизилюртовский р-он РД). В культурном слое II–III вв. н.э. Аркаского поселения, был выявлен железный черешковый трехгранный наконечник стрелы (*Пикуль М.И., 1967. С.135, 148–149*).

Из числа случайных находок отметим также предметы вооружения, собранные в разрушенных погребениях Черкезкутанского грунтового могильника (южная окраина г. Махачкалы), относящегося к последним векам до н.э. – первым векам н.э. (*Магомедов Р.Г., 1983. С.50–54*). Они были представлены железным длинным мечом с серповидным навершием и 4 экз. железных втульчатых наконечников копий (*Гаджиев М.С., 2002. С.305. Рис.62, 12–14; Магомедов Р.Г., Гаджиев М.С. и др., 2008. С.51–55*). Среди внушительной коллекции археологических находок, собранных на поселении Бештерек (вблизи г. Избербаш) наличествовали и предметы вооружения: железный втульчатый наконечник дротика, железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (4 экз.) и железный черешковый двухлопастной наконечник стрелы. Судя по подъемному материалу, данный памятник датируется в пределах I – нач. II в. н.э. (*Магомедов Р.Г., Гаджиев М.С. и др., 2008. С.53*). Небольшая коллекция предметов вооружения происходит из окрестностей с. Алмак (Казбековский р-он РД). Это – железный втульчатый наконечник дротика, железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы и полусферическое основание из мела (?), возможно, навершие меча. Все эти предметы были отнесены к I–IV вв. н.э. (*Давудов Ш. О., 2006. С.56*).

К настоящему времени в Дагестане известен 41 памятник албано-сарматского времени, где зафиксированы находки предметов вооружения. Из них в равнинно-предгорной части находятся 29 памятников, и 12 в горной (рис. 1). Однако наличие основной части коллекции предметов вооружения в равнинном и предгорном Дагестане не является показателем того, что в его горной части оружия было мало. Эта часть Северо-Восточного Кавказа остается все еще малоизученной в археологическом отношении, особенно его южные районы.

Наиболее обширная информация имеется по наступательному вооружению Дагестана – мечам (104 экз.), кинжалам (26 экз.), боевым ножам (4 экз.), наконечникам копий и дротиков (58 экз.), наконечникам стрел (ок. 430 экз.). В коллекции очень мало находок боевых топоров (2 экз.). Из защитного вооружения имеются

панцирные пластины (ок. 280 экз.), фрагменты кольчуг (14 экз.), шлемы (2 экз.) и щит. К боевым средствам относятся и костяные накладки луков (4 экз.), колчаные или портупейные крюки (7 экз.) и деревянное налучье. В настоящее время в Дагестане собрана значительная коллекция (около 1 тыс. единиц) предметов вооружения, на основе которой возможно проведение всестороннего анализа боевых средств албано-сарматского времени.

Исследователи рассматривали предметы вооружения албано-сарматского периода с территории Дагестана в различных аспектах, в интересующем нас (классификация и хронология боевых средств) – К.Ф. Смирнов, В.Б. Виноградов, М.И. Пикуль, М.П. Абрамова, А.А. Кудрявцев, М.С. Гаджиев, О.М. Давудов, М.Г. Магомедов, Б.М. Салихов и др.

В работах, посвященных исследованию Таркинского и Карабудахкентских могильников, К.Ф. Смирнов, дал краткую характеристику предметов вооружения с этих памятников. При этом он отметил, что в погребальном инвентаре Таркинского могильника просматривается сильное влияние сарматского облика культуры Северного Прикаспия (I в. до н.э. – III в. н.э.): «находки наконечников копий, стрел, и обломки железного меча или кинжала, дают представление о вооружении населения Таркинского района сарматского периода. В целом вооружение населения Таркинского района было сарматским» (Смирнов К.Ф., 1951. С. 259). Он также указывал, что явственно проявляются (мелкие костяные наконечники стрел с внутренней втулкой) и местные тенденции в производстве предметов вооружения (Смирнов К.Ф., 1951. С. 259). Сравнивая погребальный инвентарь Карабудахкентского 1-го могильника с материалами Таркинского, ученый пришел к выводу, что сарматские черты более резко выражены во втором памятнике. По его мнению, Карабудахкентский I могильник имеет более архаические черты, что связывает его с погребальными памятниками предшествующих эпох (Смирнов К.Ф., 1961. С. 209). Давая обобщающую характеристику предметов вооружения Карабудахкентского III могильника, К.Ф. Смирнов отметил их многочисленность в сравнении с вышеуказанными памятниками и редкость для этого времени находки обрывка кольчуги (Смирнов К.Ф., 1961. С. 217). По мнению К.Ф. Смирнова, Карабудахкентский III могильник содержал «... новый материал, связывающий культуру сарматской эпохи Дагестана с местной культурой раннего средневековья, которая впитала в себя наряду с очень древней местной культурой много общесарматских элементов, распространившихся в плоскостных и предгорных районах Дагестана в первые н.э.» (Смирнов К. Ф., 1961. С. 219).

В сводке оружия Северо-Восточного Кавказа I–IV вв. н.э., приведенной В.Б. Виноградовым в монографии «Сарматы Северо-Восточного Кавказа», были отмечены и некоторые виды предметов вооружения с территории Дагестана. Происхождение костяных втульчатых наконечников стрел Таркинского могильника исследователь отнес вслед за К.Ф. Смирновым к местным формам оружия скифского времени (Смирнов К.Ф., 1961. С.209; Виноградов В.Б., 1963. С.92).

М.И. Пикуль рассматривала своих работах периодизацию и хронологию памятников албано-сарматского времени (Пикуль М.И., 1961; 1967). На Хабадинском могильнике исследователь выделила три яруса погребений, чередующихся в хронологической последовательности. К предметам вооружения ранней группы погребений ею отнесены массивные наконечники копий с широким лавролистным уплощенным пером и железные втульчатые наконечники стрел двухлопастной формы, которые она датировала VI–V вв. до н.э. (Пикуль М.И., 1961. С. 153).

В промежуточной группе погребений были отнесены железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел, предназначенные для легкого лука, и обоюдоострые длинные всаднические мечи с довольно длинными черенками для насадки на деревянную рукоять. У одного из мечей имеется уплощенно-полусферическое халцедоновое навершие. Для этой группы характерны и такие виды предметов вооружения, как остатки деревянного налучья (горита) сегментовидной формы и деревянный щит округлой формы. Материал промежуточной группы датируется автором IV–I вв. до н.э. (*Пикуль М.И.*, 1961. С.153). К поздней группе I–III вв. н.э. М.И. Пикуль отнесла железный широколезвийный меч с длинным черенком (*Пикуль М.И.*, 1961. С.156; 1967. С.128).

М.И. Пикуль, основываясь на материалах исследованных ею памятников Дагестана, пришла к выводу, что «у многих племен Дагестана в первой половине первого тысячелетия до н.э. родовая организация принимала характер военной демократии, общественную силу представлял вооруженный народ» (*Пикуль М.И.*, 1967. С. 111). Она также отмечала, что «при постоянных межплеменных военных столкновениях возникла необходимость оснащения каждого способного носить оружие. Массовое вооружение требовало и массовое производства оружия и конской сбруи и т.п.» (*Пикуль М.И.*, 1967. С.111). В свою очередь военные столкновения, по ее мнению, «выработали тактику боя верхом на коне, с таким видом оружия, как лук и стрелы. Значение коня получило свое закрепление в совместном захоронении его с человеком (Хабада) и культе коня (Аркас). Вообще конские захоронения стали особенностью тех племен, у которых основной формой общественного управления была военная демократия. Эта особенность была присуща многим северокавказским... и закавказским... племенам» (*Пикуль М.И.*, 1967. С.111).

М.И. Пикуль указывала, что в материальной культуре местных племен первых веков до н.э. – н.э. произошли значительные изменения, особенно в области вооружения: «все это проявлялось более четко в низменном Дагестане. Вооружение здесь было сарматское – такой же легкий лук и длинный всаднический меч, железные черешковые наконечники стрел» (*Пикуль М.И.*, 1967. С. 164). Исследователь признавала что, «влиянию сарматов подверглись и горские племена, но в значительно меньшей степени. От населения Северного Кавказа и восточного Предкавказья, где влияние сарматской культуры также прослеживалось, они восприняли сарматский способ вооружения, начав носить длинный всаднический меч при поясном уборе...» (*Пикуль М.И.*, 1967. С.165).

М.П. Абрамова своих работах (*Абрамова М.П.*, 1977; 1980) дала подробную характеристику погребального обряда и инвентаря Большого Буйнакского кургана, выделил раннюю (конец II - III вв. н.э.) и позднюю (IV- начало VI вв. н.э.) группы погребений. Следует отметить, что в ранней группе оружие не было представлено. Предметы вооружения в основном были характерны для поздней группы погребений. Отмечая разнообразие черт погребального обряда и особенность инвентаря Буйнакского могильника, автор пришла к выводу «... о наличии тесных связей местного населения со многими областями: Закавказьем (главным образом, керамика), с сарматским Поволжьем (некоторые типы сосудов, пряжек, оружия), с финно-угорскими племенами Среднего и Верхнего Поволжья (пряжки-сюльгамы, плоские пластинчатые пряжки), а также западными областями – территории Крыма и Западной Европы (пряжки, фибулы, зеркала, инкрустированные изделия» (*Абрамова М.П.*, 1980. С.143). Она особо отметила, что «некоторые из них (пластинчатые фибулы, инкрустированное перекрестие меча) являлись местными, но

сделанными в подражание модным в то время, главным образом, серебряным и золотым изделиям» (Абрамова М.П., 1980. С.143).

А.А. Кудрявцев и М.С. Гаджиев, давая характеристику предметов вооружения Дербентского II могильника позднеалбанского времени, отметили, что «... количество и состав оружия могут указывать на место и роль погребенного в обществе, в военной организации, на его принадлежность, очевидно, к всаднической прослойке» (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1991. С.112). Авторы также отмечали бытования в погребальном обряде могильника правила «pars pro toto». Об этом свидетельствует находка в одном из погребений этого могильника навершия халцедонового диска, отломанного от рукояти меча и положенного у основания клинка. Относительно погребального обряда могильника исследователи пришли к мнению, что «в представленных погребениях Дербентского могильника проявляются обрядовые черты, которые возникли под влиянием погребального культа сарматских племен, оседавших на территории приморского Дагестана и вступающих в тесные политические, экономические, культурные, этнические контакты с местным населением» (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1991. С.110). Материалы могильника свидетельствуют о наличии социальной дифференциации и стратификации внутри дербентского общества албано-сарматского времени и выделении всаднической прослойки.

В ряде работ О.М. Давудова рассмотрены проблемы этнокультурной интерпретации предметов материальной культуры Сумбатлинского могильника (Давудов О.М., 1977; 1996). В частности статье «Сумбатлинский могильник» исследователем дана характеристика предметов вооружения этого памятника. О.М. Давудов подчеркнул, со ссылкой на А.М. Хазанова, что длинные железные мечи и кинжалы без наверший и перекрестий, характерные для этого могильника, возникли в среде сарматских племен, они широко распространились в позднесарматское время (Хазанов А.М., 1971. С.21; Давудов О.М., 1977. С.119). Исследователем сделан важный вывод, что материалы с «могильника позволяют судить о характере развитии материальной культуры местных племен, о степени влияния культуры сармато-аланских племен на местную культуру и о контактах местного населения с сопредельными народами и племенами» (Давудов О.М., 1977. С.124–125).

В монографии О.М. Давудова «Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.)» (Давудов О.М., 1996) наряду с другими предметами материальной культуры этого времени, впервые в историографии дается обобщенная характеристика вооружения дагестанских племен. Автором разработана классификация разнообразных типов оружия албано-сарматского времени, приведены широкие аналогии с памятников сопредельных территорий, прослежен генезис и дальнейшее развитие форм наступательного оружия. Исследователем рассмотрены данные античных письменных источников, содержащих информацию о вооружении албанских племен. Основываясь на материалах исследований и выводе К.В. Тревер о том, что вооружение албан, в том числе дагестанской территории, мало чем отличалось от вооружения Армении и Иберии, а также на данных письменных источников (Страбон), что по характеру вооружения албанские горцы очень близки северным кочевникам-сарматам, О.М. Давудов пришел к выводу, что «... вооружение Албании, в том числе и ее дагестанской части, находилось на высоком уровне достижений своего времени» (Давудов О.М., 1996. С. 133).

Необходимо рассмотреть также и неопубликованную работу М.Г. Магомедова «Вооружение Дагестана раннесредневекового времени» (Магомедов М.Г., 1966.

С. 1–73), являющуюся частью коллективного труда, посвященного древностям Урцекского городища. В ней автором специально рассмотрены предметы вооружения с Урцекинского городища и одноименных некрополей не только ранне-средневекового времени, но и более ранних эпох. Автором дано описание отдельных видов вооружения – мечей, кинжалов, наконечников стрел, наконечников копий, боевых топоров и защитного вооружения (*Магомедов М.Г.*, 1966. С.2–69), а также конского снаряжения (*Магомедов М.Г.*, 1966. С.69–72), проведена их классификация. М.Г. Магомедов привлек также материалы вооружения из других археологических памятников, выявленных на территории Дагестана. Характеризуя вооружение Урцекского комплекса, автор проследил черты местного своеобразия не только в формах изделий, но и в технике их производства, соответствующей передовым стандартам вооружения народов Кавказа. Оружие, по его мнению, является существенным показателем социальной дифференциации, т.е. классового расслоения, происшедшего внутри общества, выделения богато вооруженной знати дружинников и рядовых воинов (*Магомедов М.Г.*, 1966. С.73).

Предметы вооружения с памятников албано-сарматского времени, раскопанных в 80–90-е гг., рассмотрены в работах Б.М. Салихова (*Салихов Б.М.*, 1985; 1991). В статье «Калкнинский могильник» (*Салихов Б.М.*, 1985. С.167–187) дается четкая классификация предметов вооружения – мечей, кинжалов, наконечников копий, кольчуг и шлемов. В каждой группе выделено 2-3 типа изделий (*Салихов Б.М.*, 1985. С.171–173). Впервые в историографии Б.М. Салихов предпринял попытку реконструкции железного шлема одного из погребений этого могильника (*Салихов Б.М.*, 1985. С. 172–173. Рис.У). Им приведены широкие аналогии предметов вооружения с других памятников Дагестана, а также письменные данные о специализации производства кольчуг (ср. Шиназ, Кубачи), зародившейся в Дагестане еще в глубокой древности (*Маммаев М.М.*, 1969. С. 193).

В другой статье «Предметы вооружения из погребений албано-сарматского времени Зеленоморского и Манаскентских курганов» (*Салихов Б.М.*, 1991. С. 130–150) автором проведена типология наконечников стрел и копий, мечей и кинжалов, колчанных крюков, конского снаряжения, деталей защитного доспеха (панцирные пластины и кольчуги) указанных памятников, а также отмечено местоположение предметов в могилах, дающего возможность определить способ их ношения (*Салихов Б.М.*, 1991. С.130–144). Им дана и сводка сведений письменных источников о военном искусстве албанских племен (*Салихов Б.М.*, 1991. С.147). Такое разнообразие и наличие большого количества предметов вооружения из погребений вышеназванных памятников свидетельствует о нестабильной обстановке в изучаемом регионе в албано-сарматскую эпоху (*Салихов Б.М.*, 1991. С.147). На основе анализа предметов вооружения Приморского Дагестана автор пришел к выводу, что большинство категорий оружия имеет типично кочевнический облик, хотя не исключено, что многие из них могли быть изготовлены и на месте. Этому не противоречат богатые традиции производства оружия в Дагестане в древности и в последующее время (*Салихов Б.М.*, 1991. С.147–148).

Анализ современного состояния изученности предметов вооружения албано-сарматского времени с территории Дагестана показывает, что исследователями затрагивались все возможные аспекты проблем, связанных с этим видом материальной культуры населения. Но специально, ни одна из них не изучалась, а лишь затрагивалось в процессе решения иных исследовательских задач. Наиболее актуальной в настоящее время следует признать проблему систематизации накоплен-

ной коллекции предметов вооружения с территории Дагестана исследуемого времени, а именно, проведение классификации наступательного оружия и оборонительного доспеха и установления относительной и абсолютной хронологии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.*, 1983. Исследование раннесредневековых укрепленных поселений горного Дагестана // Древние и средневековые поселения Дагестан. Махачкала.
- Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. Археологическая карта Дагестана. М.
- Абрамова М.П.*, 1977. Большой Буйнакский курган // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала.
- Абрамова М.П.*, 1980. Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Абрамова М.П., Магомедов М.Г.*, 1980. О происхождение культуры Андрейаульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Абрамова М.П., Красильников К.И., Пярых Г.Г.*, 2000. Курганы Нижнего Сулака: Могильник Львовский Первый-2 // МИАР. Вып. 2. Тр. Дагестанской экспедиции. Т. I. М.
- Абрамова М.П., Красильников К.И., Пярых Г.Г.*, 2001. Курганы Нижнего Сулака: Могильник Львовский Первый-4 // МИАР. Вып. 4. Тр. Дагестанской экспедиции. Т. II. М.
- Абрамова М.П., Красильников К.И., Пярых Г.Г.*, 2004. Курганы Нижнего Сулака: Могильник Львовский Шестой // МИАР. Вып. 5. Тр. Дагестанской экспедиции. Т. III. М.
- Артамонов М.И.*, 1938. Отчет о работах Северокавказской экспедиции в Дагестане в 1937-38 гг. // РФ ИИАЭ. Ф.5. Оп.1. Д.33.
- Атаев Д.М.*, 1968. Погребальный обряд Урцекского некрополя как исторический источник // РФ ИИАЭ. Ф.26. Оп.1. Д.9.
- Атаев Д.М., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М.*, 1968. Андрейаульское городище // АО 1967. М.
- Виноградов В.Б.*, 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный.
- Гаджиев М.Г.*, 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. (Эпоха энеолита и ранней бронзы). М.
- Гаджиев М.С.*, 1986. Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и средневекового времени (I–VII вв.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.С.*, 1991. Погребальный комплекс II–III вв. н.э. на поселении Ганзир (Табасаран) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Гаджиев М.С.*, 1997. Между Европой и Азией. Махачкала.
- Гаджиев М.С.*, 2002. Древний город Дагестана. М.
- Гмыря Л.Б.*, 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала.
- Давудов О.М.*, 1970. Отчет о работе Горного археологического отряда ИИЯЛ в 1969 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 463.
- Давудов О.М.*, 1971. Отчет о работе Сумбатлинского отряда ИИЯЛ летом 1970. // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 385.
- Давудов О.М.*, 1977. Сумбатлинский могильник // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Давудов О.М.*, 1989. Ганзирское поселение // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала.
- Давудов О.М.*, 1996. Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала.

Давудов О.М., Котович В.Г., 1979. Богатые погребальные комплексы из селений Ираги и Калкни // IX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Элиста.

Давудов Ш.О., 2006. Археологические находки из окрестностей с. Алмак // Вестник ИИАЭ. №4(8).

Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г., Хангишиев Г.Д., Саидов В.А., Давудов Ш.О., Абашилов А.О., Магомедов Ш.Р., 2005. Раскопки кургана Хунтуп 1 // АО 2004. М.

Исаков М.И., 1947. Археологические раскопки Таркинского могильника // Дагестанская научно-исследовательская база. Труды 1-й научной сессии. М.

Комаров А.В., 1872. Древние могилы в Дагестане // ИКОРГО. Т. 1. Вып. 4. Тифлис.

Котович В.Г., 1956. Отчет о работе 1-го Горного отряда ДАЭ в 1956 г. // РФ ИИАЭ. Ф.27. Оп.1. Д.38.

Котович В.Г., 1960. Отчет о работе 2-го Чиркейского (1-го Горного) отряда ДАЭ // РФ ИИАЭ. Ф.27. Оп.1. Д.41.

Котович В.Г., 1965. Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана // Материалы сессии, посвящ. итогам археол. и этнограф. исследований 1964 г. в СССР. Баку.

Котович В.Г., 1968. Отчет о работе 1-го Горного отряда ДАЭ в 1967 г. // РФ ИИАЭ. Ф.27. Оп.1. Д.26.

Котович В.Г., Котович В.М., Путинцева Н.Д., 1961. Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ в 1960 г. // РФ ИИАЭ. Ф.27. Оп.1. Д.16.

Котович В.Г., Абакаров А.И., Атаев Д.М., Бредэ К.А., Котович В.М., Путинцева И.Д., 1962. Отчет о работе приморского отряда ДАЭ в 1961 г. // РФ ИИАЭ. Ф.27. Оп.1. Д.47.

Котович В.Г., Абакаров А.И., Атаев Д.М., Котович В.М., Магомедов М.Г., Маммаев М.М., 1963. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1962 г. // РФ ИИАЭ. Ф.27. Оп. 1. Д.39.

Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М., 1963. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1963 г. // РФ ИИАЭ. Ф.27. Оп.1. Д.49.

Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М., 1965. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции ИИЯЛ ДагФАН в 1964 г. // РФ ИИАЭ. Ф.27. Оп.1. Д.42.

Котович В.Г., Давудов О.М., 1966. Отчет о работе 1-го отряда ДАЭ в 1966 г. // РФ ИИАЭ. Ф.27. Оп.1. Д.25.

Котович В.Г., Маммаев М.М., 1971. Отчет о работе Горной археологической экспедиции ИИЯЛ в 1968 г. // РФ ИИАЭ. Ф.27. Оп.1. Д.30.

Крупнов Е.И., 1951. Новый памятник древних культур Дагестана // МИА. №23. М.

Кудрявцев А.А., 1985. Дербентский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.

Кудрявцев А.А., 1987. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1987 г. // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д.670.

Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1991. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.

Магомедов М.Г., 1966. Вооружение раннесредневекового Дагестана // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д.222.

Магомедов Р.Г., 1983. Историко-культурная характеристика памятников, выявленных археологической службой Дагестана // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д.558.

Магомедов Р.Г., Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., Бакушев М.А., Саидов В.А., 2006. Раскопки Избербашского VI могильника // Вестник ИИАЭ. №3(7).

Магомедов Р.Г., Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., Саидов В.А., Будайчиев А.Л., 2008. Археологические разведки в Приморском Дагестане // Вестник ИИАЭ. №1(13).

Маммаев М.М., 1969. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // УЗ ИИЯЛ. Т. XIX. Кн. 2. Серия общественных наук. Махачкала.

Маммаев М.М., 1998. О хронологии Урцекских могильников № 1 и № 2 // Древности Северного Кавказа. Махачкала.

Пикуль М.И., 1953. Отчет о работе северного отряда ДАЭ в 1953 г. // РФ ИИАЭ. Ф.32. Оп.1. Д.4.

Пикуль М.И., 1959. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г. // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д. 100.

Пикуль М.И., 1961. Хабадинский могильник // МАД. Т. II. Махачкала.

Пикуль М.И., 1961а. Раскопки в Южном Дагестане в 1961 г. // РФ ИИАЭ. Ф.32. Оп.1. Д.23.

Пикуль М.И., 1962. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г. // РФ ИИАЭ. Ф.32. Оп.1. Д.24.

Пикуль М.И., 1967. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала.

Пятых Г.Г., Салихов Б.М., Шишлина Н.И., 1986. Отчет о работах Дагестанской экспедиции // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д.627.

Раскопки в Хасавюрте 1929. / Красный Дагестан. № 165.

Русов А.А., 1882. Отчет о летних и осенних работах (1880 г.) в южном Дагестане // Тр. Подготовительных комитетов V Археологического съезда. М.

Салихов Б.М., 1985. Калкнинский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.

Салихов Б.М., 1986. Отчет отряда Дагестанской экспедиции АН СССР о раскопках Зеленоморского кургана в 1986 г. // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д.678.

Салихов Б.М., 1988. Новые материалы о ремесленном производстве Южного Дагестана (по данным Хивского могильника IV–V вв.) // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.

Салихов Б.М., 1988а. Новый памятник культуры Дагестана албано-сарматского времени // НСПИЭИ ИИЯЛ в 1986–1987 гг. ТД. Махачкала.

Салихов Б.М., 1988б. Отчет приморского археологического отряда Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР о раскопках Зеленоморского кургана в 1988 г. // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д. 680.

Салихов Б.М., 1991. Предметы вооружения из погребений албано-сарматского времени Зеленоморского и Манаскентских курганов // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.

Салихов Б.М., 1992. Новые археологические памятники албано-сарматского времени на территории Кайтагского и Дахадаевского районов // НСПИЭИ ИИЯЛ в 1990- 1991 гг. ТД. Махачкала.

Смирнов К.Ф., 1951. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг. // МИА. №23. М.

Смирнов К.Ф., 1961. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент// МАД. Т.2. Махачкала.

Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сармат. М.

Цилоссани И.О., 1882. Дневник раскопок, веденных в Южном Дагестане в 1880 г. // Тр. Предварительных комитетов V археологического съезда. М.

Zakharov A.A., 1930. Contributions to Caucasian Archaeology: A Large Barrow in Daghestan // ESA. Helsinki.

Zakharov A.A., Sergejev V.V., 1930. Schadel aus Steinkistengrabern im Kurgan von Temir-Chan-Sura // ESA. Helsinki.

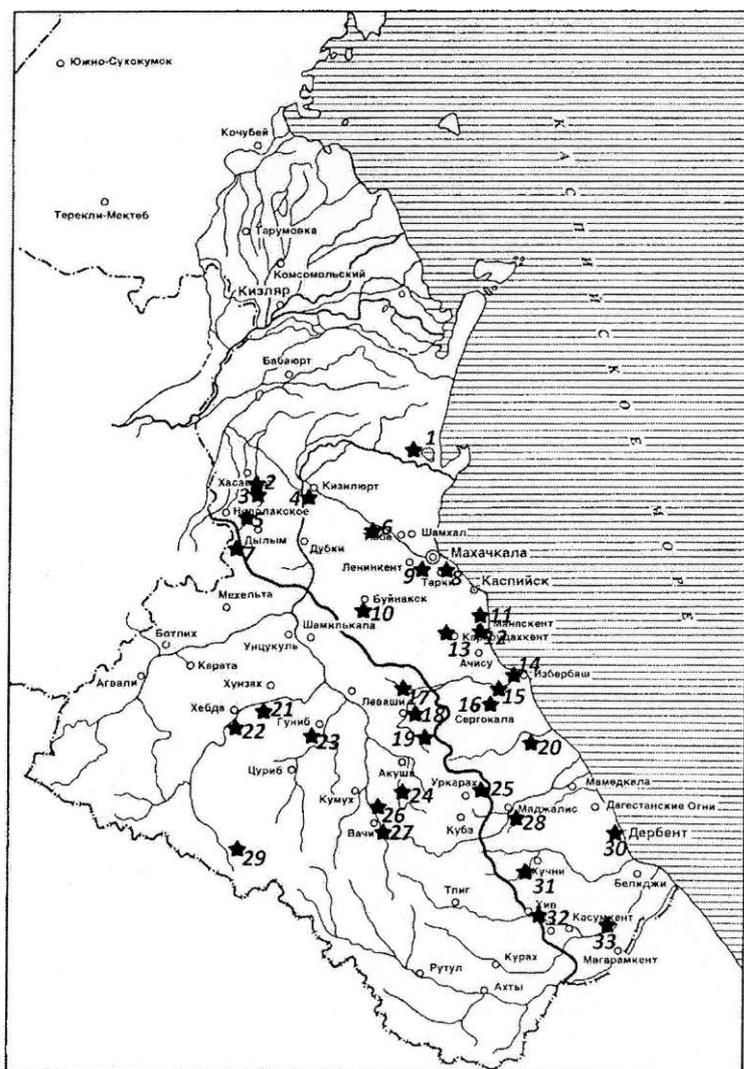


Рис. 1. Памятники Дагестана албано-сарматского времени, содержащие предметы вооружения

1 - Львовские курганные могильники, 2 - Андрейаульские курганные и грунтовые могильники, 3 - Акташский могильник, 4 - Бавтугайский могильник, 5 - Ленинаульский могильник, 6 - курганный могильник Хунтуп 1,1 - Алмакский могильник, 8 - Таркинский могильник, 9- Черкезкутанский могильник, 10 - Большой Буйнакский курган, 11 - Зеленоморский курган-кладбище, 12 - Манаскентский курганный могильник, 13 - Карабудахкентский I и III могильники, 14 - Избербашский VI могильник, 15-Урцекское городище и могильники, 16 - Ленинкентский могильник, 17 - Охлинское городище, 18 - Мекегинский могильник, 19 - Верхне-лабкомахинское городище, 20 -Чакавуркентское городище, 21 - Урибский могильник, 22 - Цархиго-цинский могильник, 23 - Хабединский могильник, 24 - Гапшиминский могильник, 25 - Калкнинский могильник, 26 - Цыйшинский могильник, 27 - Сумбатлинский могильник, 28 - Джинабинский могильник; 29 - Генеколобский могильник; 30 - Дербентский I и II могильники, 31 - Ганзирский могильник, 32 - Хивский могильник, 33 - Шаракунекий могильник